

Тихомиров Лев Александрович

**Монархическая
государственность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Александрович Т.**
Монархическая государственность / Тихомиров Лев Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 256 с.

ISBN 978-5-519-76841-2

ISBN 978-5-519-76841-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметъ предлагаемой книги составляетъ принципъ *Монархической* власти, его сущность и условія его дѣйствія. Но для того, чтобы выяснитъ какъ существо, такъ и условія возникновенія и дѣйствія его—я долженъ былъ предварительно обрисовать общія основы *государственности*.

При всемъ желаніи быть краткимъ—я совершенно не могъ избѣжать, при этомъ, обрисовки психологическихъ основъ самаго факта власти, изъ которой возникаетъ власть Верховная, представляемая между прочимъ и монархическимъ принципомъ.

Такимъ образомъ мнѣ пришлось войти также въ установку основныхъ принциповъ Государственнаго Права, которые я не всегда могу принять въ ихъ обычномъ школьномъ истолкованіи.

Точно также я не считъ возможнымъ обойтись безъ нѣкоторыхъ историческихъ поясненій своихъ общихъ выводовъ о сущности Монархическаго принципа. Это конечно чрезвычайно распирило мою работу. Но мнѣ кажется, что историческая обосновка моихъ выводовъ, въ дѣйствительности, требовала бы еще гораздо болѣе обширныхъ объясненій.—Лишь съ крайнимъ прискорбіемъ я ограничиваюсь краткими указаніями по исторіи восточныхъ Монархій, и по Европейской Монархической государственности. Еще болѣе чувствительный пробѣлъ составляетъ отсутствіе обрисовки монархій Дальняго Востока. Къ сожалѣнію, это предметъ, который я не имѣю возможности ввести въ книгу, не рискуя затянуть до неопредѣленнаго будущаго ея изданія.

Итакъ, первая три части моей книги состоятъ въ выясненіи условій возникновенія Монархическаго принципа и его сущности. Последняя часть должна обрисовать условія его дѣйствія—то-есть дать очеркъ *монархической политики*.

Таковы общія рамки книги.

Общая мысль настоящаго изслѣдованія не впервые является передъ читателями. Еще въ 1897 году я опубликовалъ книгу, раньше появившуюся отдѣльными статьями въ «Русскомъ Обозрѣнн» — «Единоличная власть, какъ принципъ государственнаго строенія».

Эта книга давала очеркъ тѣхъ же идей, какія развиваетъ нынѣ публикуемая «Монархическая государственность». Въ виду того, что «Единоличная власть» уже давно не существуетъ въ продажѣ, я гдѣ возможно ввожу отдѣльные ея отрывки въ настоящее изслѣдованіе, при надобности, ихъ перерабатывая. Тѣмъ не менѣе нынѣ публикуемая «Монархическая государственность» не есть новое изданіе «Единоличной власти» и вмѣсто 136 страницъ, какія имѣла «Единоличная власть» — составляетъ въ четырехъ частяхъ, примѣрно, свыше 600 страницъ того-же размѣра.

Несмотря на эти значительныя размѣры — я сознаю — книга моя оставляетъ многого желать и по полнотѣ матеріаловъ и по обработкѣ предмета. Но я надѣюсь, что она все-таки дастъ нѣчто для расширенія русской *политической сознательности*.

Покойный Чичеринъ говорилъ, что Исторія есть въ значительной степени повѣствованіе объ ошибкахъ правителей.

Мнѣ кажется, что исторія есть въ значительной степени повѣствованіе о вообще крайне малой человѣческой сознательности въ дѣлѣ устроенія своего политическаго строя. Это одинаково проявляется въ монархіяхъ и республикахъ, у правителей и у народовъ.

Величайшую пользу людямъ приписать, по моему сужденію, все то, что сколько нибудь увеличиваетъ вѣчно недостающую имъ политическую сознательность, то-есть пониманіе тѣхъ законовъ, которыми живетъ человѣческое общество и государство.

Если мнѣ удалось замѣтить и указать кое-что вѣрное, но упускаемое доселѣ изъ виду въ области дѣйствія того политическаго принципа, которому посвящена настоящая книга, — то я буду считать, что трудился не безплодно.

Левъ Тихомировъ.

18 декабря 1904 года.

ОТДѢЛЪ I.

Источники власти въ обществѣ.

I.

Психологическія основы общественности.

Что связываетъ людей въ общество? Что, стало быть, лежитъ въ основѣ общественности и, стало быть, опредѣляетъ ея законы? Какъ ни различны философскія понятія о душѣ, какъ ни трудно для современнаго ученаго допустить иѣкоторое самостоятельное духовное начало,—въ отвѣтъ на поставленные выше вопросы все чаще начинаютъ указывать на *психологию*. Не въ какихъ-либо внѣшнихъ, но во внутреннихъ, психологическихъ условіяхъ всё чаще ищутъ разгадку факта общественности.

«По мѣрѣ того, говорить—Эспинасъ *), какъ наблюдатель удаляется отъ первыхъ фазъ жизни, онъ замѣчаетъ все чаще и чаще, что группировка живыхъ существъ совершается уже не подъ импульсомъ физико-химическихъ силъ и физиологическихъ побужденій, но подъ вліяніемъ все болѣе чувствѣмыхъ склонностей и влеченій. Передъ его глазами происходитъ незамѣтный переходъ отъ внѣшняго къ внутреннему, отъ болѣе или менѣе сложной игры движеній къ обмѣну представленій и отъ хотѣній къ сознанію».

Тотъ же *психологическій* элементъ отмѣчаетъ Альфредъ Фулье. Стараясь синтезировать, какъ онъ выражается, мате-

*) 1 Соціальная жизнь животныхъ, стр. 44.

ріалістическія и ідеалістическія школы соціології, онъ приходить къ выводу, что человѣческое общество представляетъ, въ отличіе отъ біології, организмъ «добровольный и сознательный». «Сила связывающая части общественнаго тѣла, по видимому, не одной природы съ той, которая связываетъ части въ тѣлѣ животнаго или растенія: послѣдняя—относительно безсознательная, первая же сознательная *).

Густавъ Лебонъ доходитъ даже до почти мистическаго отношенія къ этой психологической основѣ общества. Онъ говоритъ о «душѣ народовъ» и утверждаетъ, что даже для классификаціи народовъ наилучшія основы даетъ *психологія*. «Въ подкладкѣ учреждений, искусствъ, вѣрованій, политическихъ правительствъ каждаго народа находятся извѣстныя моральныя и интеллектуальныя особенности, изъ которыхъ вытекаетъ его эволюція». Поэтому, по Лебону, «основанія для классификаціи, которыхъ не могутъ дать анатомія, языки, среда, политическія группировки,—даются намъ психологіей **).

Оставляя въ сторонѣ такія утвержденія, идущія быть можетъ далѣе прямого содержанія фактовъ, нельзя однако не признать, что психологическія основанія общественности становятся для соціології совершенно неизбѣжнымъ выводомъ.

Дѣйствительно, соціологія въ концѣ концовъ принуждена признать, что въ *общественности* мы имѣемъ передъ собою *законы коопераціи*. Въ то же время приходится признать, что законы коопераціи совершенно одинаковы повсюду, гдѣ мы ихъ ни наблюдаемъ, какъ въ біології, такъ и въ соціології. Но при такихъ посылкахъ, становится совершенно очевиднымъ, что сами особи, вступающія въ кооперацію, въ обоихъ случаяхъ, т.-е. въ біології и въ общественности, существенно различны, такъ что кооперируютъ на почвѣ вовсе не одинаковыхъ способностей или свойствъ.

Какія «особи» кооперируютъ въ біології, въ мірѣ явленій органической матеріи? Беря схематически — это простыя, не специализированныя клѣточки, почти кусочки протоплазмы, ода-

*) „Современная наука объ обществѣ“, стр. 114.

**) „Психологія народовъ и массъ“, стр. 10.

ренныя нѣкоторой общей способностью жизни, движенія, смутнаго ощущенія и уподобленія. Ихъ кооперація, ихъ совмѣстное дѣйствіе даже немислимы иначе, какъ при непосредственномъ сращеніи, для котораго онѣ имѣютъ большую способность и не представляютъ почти никакихъ препятствій. Міръ простѣйшихъ животныхъ, и такъ называемыя колоніальныя животныя, представляютъ множество наглядныхъ примѣровъ этого.

Срастаніе низшихъ животныхъ, какъ губокъ, полипняковъ—вообще явленіе обычное. Точно также извѣстно и распаденіе на составныя части: такъ морская звѣзда, пойманная въ сачекъ, мгновенно разсѣивается на части и обломки ея проскальзываютъ обратно въ море.

Нѣтъ ни надобности, ни даже основаній разсматривать животное, организмъ,—какъ нѣчто происшедшее путемъ сращенія первоначально свободныхъ клѣтокъ. Но характеръ низшихъ животныхъ объясняетъ природу клѣточки, показываетъ намъ, что срастаніе при коопераціи соотвѣтствуетъ самой природѣ біологической особи. А по сращеніи—универсальность смутныхъ жизненныхъ способностей клѣтки допускаетъ ея очень быструю специализацію, т.-е. превращеніе въ простой органъ. Такова картина коопераціи біологическихъ особей.

Но таковы ли особи, вступающія въ кооперацію соціологическую?

Нѣтъ, это уже не клѣточки, а организмы. Да и въ кооперацію вступаютъ даже не сами организмы, выражаясь языкомъ біологій, а только ихъ нервныя центры. Когда нѣсколько волковъ соединяются въ стаю, кооперируютъ не сами по себѣ ихъ зубы или лапы, не сами по себѣ тѣла ихъ, а ихъ нервныя центры, лишь принуждая каждый свое тѣло, свои зубы и лапы помогать другимъ сотоварищамъ по коопераціи. Смотря на общество глазами біолога, мы должны назвать общество коопераціей нервныхъ центровъ. Но при этомъ само собою ясно, что нервныя центры могутъ кооперировать только на почвѣ силъ и способностей, свойственныхъ именно имъ. А что такое нервный центръ, съ точки зрѣнія біологій? Это клѣточка, или агрегатъ клѣточекъ, специализированныхъ не

на движеніи, не на уподобленіи, не на какомъ либо частномъ чувствѣ воспріятія, а на функціяхъ представленія и регуляціи, т.-е. на способностяхъ сознанія, ощущенія и воли. Только на почвѣ этихъ способностей и возможна кооперація нервныхъ центровъ, т.-е. и самихъ организмовъ.

Такимъ образомъ законы коопераціи, возможной для животныхъ и человѣка—при возникновеніи среди нихъ общественности—суть законы коопераціи *чувствъ, представленій и желаній*, кооперація того, что составляетъ нашъ психологическій міръ. Законы общественности, а, стало быть, и гражданственности и политики развиваются изъ психического источника. Это несомнѣнно до полной очевидности.

Само собою разумѣется, что эта точка зрѣнія, указывающая исходный пунктъ соціологіи въ психологіи, не устраняетъ по существу спора о томъ, что такое наша психика, что такое духовное начало, самобытно ли оно и отлично ли по существу отъ силъ мертвой природы и т. п. Но все это входитъ уже въ область философіи или психологіи, а не соціологіи. Для соціологіи исходный пунктъ составляетъ, во всякомъ случаѣ, міръ человѣческихъ представленій, чувствъ и желаній въ ихъ ясно наблюдаемыхъ проявленіяхъ. Спиритуалистическое или материалистическое опредѣленіе этихъ психологическихъ свойствъ хотя и не можетъ не отражаться на нашихъ соціологическихъ представленіяхъ, но лишь очень косвенно. Во всякомъ случаѣ никакой философскій материализмъ не можетъ приводить соціологію къ такому нелѣпому для нея міровоззрѣнію, какъ, напримѣръ, экономическій материализмъ.

Психологическія основанія общественности ипчуть не отрицаютъ значенія вліяній внѣшнихъ и материальныхъ. Но всѣ эти вліянія дѣйствуютъ на общественную среду не прямо, а отражаясь и перерабатываясь въ нашей душѣ, въ нашей внутренней сферѣ чувства, желанія и представленія. При этомъ, въ зависимости отъ нашей философіи, мы можемъ спорить, была или не была когда то, въ какомъ то непредставимо далеко прошломъ,— душа наша нѣкоторою *tabula rasa*, на которой внѣшнія вліянія вписали постепенными наслоеніями

ей содержаніе. Однако и тутъ довольно ясно, что если бы ви́шнимъ вліяніямъ не въ чемъ было отражаться и перерабатываться, то они не могли бы создать и никакихъ наслоений. Нѣкотораго первичнаго содержанія души нельзя отрицать. Но всѣ эти философскіе споры очень мало касаются соціологіи.

Соціологія начинается не въ тѣхъ безднахъ хаоса, гдѣ ничего нельзя разобрать и потому обо всемъ можно фантазировать. Соціологія начинается тамъ, гдѣ уже замѣтны явленія общественности. А въ этомъ своемъ началѣ наука видитъ соціологическую особь не какъ *tabula rasa*, а какъ нѣкоторое существо со вполне опредѣленнымъ психическимъ содержаніемъ, которое вовсе не создается ви́шними условіями, а столь же самостоятельно и реально, какъ ви́шнія условія, и если испытываетъ ихъ вліяніе, то и само оказываетъ на нихъ такое же вліяніе. Не только въ извѣстномъ намъ историческомъ человѣкѣ, а даже въ самомъ ничтожномъ животномъ, соціологія застаётъ твердое содержаніе хотѣній, чувствъ и представленій, какъ нѣчто готовое, ранѣе бывшее, а не создаваемое ви́шними вліяніями. Всѣ ви́шнія вліянія падаютъ не на пустое мѣсто, а на нѣкоторое ясное и опредѣленное содержаніе. Они только воздѣйствуютъ на душу, подстрекая, ослабляя или направляя наши представленія, чувства и волю,—даютъ матеріалъ для переработки его нашею душою, но ничуть не создаютъ ее.

Въ метафизикѣ возможенъ споръ по вопросу объ абсолютной самобытности души. Въ соціологіи и исторіи этотъ споръ немыслимъ. Что бы такое ни представляла наша душа для философа, для соціолога и историка она обладаетъ самостоятельнымъ и постояннымъ содержаніемъ.

Наши чувства, хотѣнія и представленія, для соціолога вѣчны по существу, хотя и измѣняются въ комбинаціяхъ и въ фазахъ своего эволюціоннаго состоянія. Только это постоянство основного факта общественности и даетъ возможность бытія соціальной наукѣ, которая со временъ древнѣйшихъ наблюденій своихъ знаетъ одно и то же человѣчество, съ психическими свойствами, по существу одинаковыми, по-

добно тому, какъ химія знаетъ одно и то же вещество со свойствами, но существу вѣчно одинаковыми, подобно тому какъ и біологія, среди вѣчно мѣняющихся формъ органическаго міра, знаетъ лишь одно и то же живое вещество, съ вѣчно одними и тѣми же основными свойствами.

Только въ отношеніи объекта, обладающаго нѣкоторыми основными неизмѣняемыми свойствами и возможно существованіе законовъ, научно наблюдаемыхъ. Соціологія такой объектъ имѣетъ предъ собою въ психическомъ мірѣ человѣчества. Если бы человѣчество какого-нибудь отдаленнаго «будущаго» могло имѣть основныя психическія свойства, отличныя отъ тѣхъ, какія были раньше, хотя бы самыя отдаленныя тысячелѣтія назадъ,—наука оказалась бы совершенно невозможною, ибо она должна бы была признать тогда, что человѣчества, какъ нѣкотораго постояннаго и реальнаго явленія, не существуетъ, а представляетъ оно миражъ, не поддающійся никакому разумному пониманію.

Въ дѣйствительности, однако, такой миражъ существуетъ лишь въ фантазіяхъ нѣкоторыхъ, правда, модныхъ, гаданій о никогда не бывшемъ (или по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстномъ) прошломъ, и въ такихъ же фантастическихъ мечтаніяхъ о яко бы «будущемъ» человѣчествѣ. Но собственно наука, точное знаніе, точное наблюденіе, говорятъ совершенно противъ всѣхъ этихъ фантазій. Вся сколько нибудь точная исторія, всѣ древнѣйшія преданія, всѣ обрывки древнѣйшей поэзіи,—рисуютъ намъ то же самое человѣчество, какое мы наблюдаемъ и теперь, во всѣхъ его основныхъ свойствахъ. Мы видимъ поэтому въ человѣческомъ обществѣ явленіе, обладающее внутренними законами, способное въ силу ихъ и къ эволюціи своихъ формъ на ихъ вѣчно неизмѣнныхъ основахъ. Поэтому возможна и наука, проникающая въ смыслъ того и другого, наука общественности.

II.

Психологическія основы власти.

Установка социальных явлений на почве психологической имбеть для политики то значеніе, что расчищает путь и для пониманія основного фактора ея—явленія власти.

Какъ сказано въ предыдущей главѣ, законы общественности суть ничто иное, какъ законы коопераціи чувствъ, хотѣній и представленій особей, вступающихъ въ общественное между собой взаимодействіе.

Но всякая кооперація представляетъ необходимо нѣкоторое направленіе въ одну сторону этихъ разнообразныхъ и противоположныхъ чувствъ, хотѣній и представленій; т.-е. сама по себѣ предполагаетъ нѣкоторую *направляющую силу*, другими словами—нѣкоторую *власть*. Ясно въ то же время, что эта сила, эта власть, можетъ явиться только изъ тѣхъ же чувствъ, представленій и хотѣній, которыя кооперація кладетъ въ основу общественныхъ явленій. Такимъ образомъ власть рождается одновременно съ самымъ общественнымъ процессомъ. Власть является послѣдствіемъ общественнаго процесса, и однимъ изъ необходимыхъ условій его совершенія.

Оба явленія неотдѣлимы одно отъ другого. Власть — есть сила направляющая, но въ то же время сама порождается общественными силами, т.-е. стало быть въ извѣстномъ смыслѣ имъ подчинена и безъ ихъ поддержки не можетъ существовать. Не трудно апріорно видѣть, что по самому происхожденію своему и по смыслу своему, какъ сила направляющая, власть должна порождаться не одной волевой способностью, но также чувствами и представленіями. Исторія показываетъ, что значеніе послѣднихъ даже чрезвычайно велико.

Предыдущія разсужденія показываютъ неизбѣжность власти. Но это показывается и исторіей. Присутствіе власти и—по-

слѣдствіи ея — принужденія — видно рѣшительно во всѣхъ междучеловѣческихъ отношеніяхъ. Никогда и нигдѣ не видно общежитія безъ какой-либо власти и принужденія. Съ исторической точки зрѣнія этотъ фактъ не подлежитъ оспариванію. Но не всѣ одинаково оцѣниваютъ его значеніе со стороны нравственной. Нерѣдко власть и принужденіе разсматриваются какъ неизбѣжное зло. Власти противопоставляютъ свободу, какъ состояніе особенно благотѣльное. Извѣстно, какое сильное участіе принимаютъ такіа представленія въ нашихъ историческихъ оцѣнкахъ различныхъ учреждений, а равно и въ нашемъ политическомъ творествѣ,—наконецъ въ идеалахъ предполагаемаго будущаго. Очень важно, поэтому, какъ можно яснѣе вникнуть въ дѣйствительный источникъ и въ точное существо какъ того явленія, которое называется властью, такъ и того, которое называется свободой.

Не трудно замѣтить, что оба эти явленія составляютъ не болѣе какъ различныя проявленія одного и того же факта,— а именно *самостоятельности человѣческой личности*. Если бы человѣкъ не былъ существомъ, заключающимъ въ себѣ нѣкоторую самостоятельную силу, если бы онъ былъ простымъ результатомъ какихъ-либо вѣншихъ вліяній, онъ не былъ бы способенъ ни къ состоянію *свободы*, ни къ состоянію *власти*. Наша свобода есть ничто иное, какъ состояніе независимости отъ данныхъ окружающихъ условій, а такое состояніе можетъ явиться только при способности напряженія внутренней нашей силы до степени, по крайней мѣрѣ, равной напряженію дѣйствующихъ на нихъ вѣншихъ силъ. Наша власть есть ничто иное, какъ переходъ этого внутренняго напряженія къ подчиненію силъ вѣншихъ условій или вѣншихъ силъ. По самому существу общественныхъ явленій эта способность свободы и власти прежде всего и чаще всего проявляется въ отношеніи другихъ личностей.

Въ состояніи общественной коопераціи каждая личность, въ качествѣ вѣншихъ для нея условій и силъ, встрѣчаетъ прежде всего членовъ этой же коопераціи. Самостоятельность личности прежде всего и чаще всего проявляется въ отноше-